

Научная статья / Article

УДК 02 (2Рос)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-23>

**«Почему вышивать подушку можно, а книги читать
нельзя»: к истории женского чтения
в России второй половины XIX века**

Елена Сергеевна Саляева

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия, lena.salyaeva@gmail.com

***Аннотация.** Статья представляет собой краткий очерк истории чтения в контексте женской культуры повседневности второй половины XIX века в России. До сих пор наиболее широкий круг исследований женского чтения в России XIX века связан с изучением чтения в дворянской среде. Для написания данной статьи использован большой корпус личных дневников и воспоминаний женщин разных сословий, раскрывающих ранее неисследованную сторону женской интеллектуальной истории России второй половины XIX века. Это отвечает сразу двум тенденциям современных гуманитарных исследований — повышенному интересу к источникам личного происхождения как к уникальному виду исторических источников (особенно культурному феномену) и к женской интеллектуальной истории как к актуальной области социокультурных исследований. Большое количество упоминаемых читательских практик и описание круга чтения в женских дневниках и воспоминаниях позволяет проследить, как чтение в российской женской культуре повседневности постепенно становится распространенным и многообразным опытом. В статье проанализирована динамика развития основных сфер повседневной жизни российских женщин второй половины XIX века: частной жизни, образования, трудовой и общественной деятельности – и рассмотрено, как чтение проявлялось в женской культуре повседневности. Для более глубокого понимания феномена повседневности рассмотрены характерные особенности исследований в западной и российской гуманитаристике.*

Ключевые слова: культура повседневности, история чтения, женская история, читательские практики, личные дневники

Для цитирования: Саляева Е. С. «Почему вышивать подушку можно, а книги читать нельзя»: к истории женского чтения в России второй половины XIX века // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 23–40. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-23>

"Why You Can Embroider a Pillow, but You Can't Read Books": on the History of Female Reading in Russia in the Second Half of the 19th Century

Elena S. Salyaeva

Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky,
St. Petersburg, lena.salyaeva@gmail.com

Abstract. *This article is a brief sketch of the history of reading in the context of female culture of everyday life in the second half of the 19th century in Russia. Until now, the widest range of studies of female reading in Russia of the 19th century is associated with the study of nobility's reading. To write this article, we used a large corpus of personal diaries and memoirs of women of different classes, revealing the previously unexplored side of the female intellectual history of Russia in the second half of the 19th century, which corresponds to two trends in modern humanitarian research — an increased interest in sources of personal origin, as a unique type of historical sources (a special cultural phenomenon) and to female intellectual history as an actual field of socio-cultural research. A large number of mentioned reading practices and a description of the reading circle in women's diaries and memoirs allows us to trace how reading in the Russian female culture of everyday life is gradually becoming a widespread and diverse experience. The article analyzes the dynamics of the development of the main spheres of everyday life of Russian women in the second half of the 19th century: private life, education, work and social activities, and examines how reading manifested itself in the female culture of everyday life. The article deals with the characteristic features of everyday life research in Western and Russian humanities for a deeper understanding of the phenomenon of everyday life.*

Keywords: culture of everyday life, history of reading, female history, reading practices, personal diaries

For citation: Salyaeva E. S. "Why You Can Embroider a Pillow, but You Can't Read Books": on the History of Female Reading in Russia in the Second Half of the 19th Century. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 3:23–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-23>

Введение. На основе анализа большого корпуса источников личного происхождения (дневники, мемуары) выявлены основные области культуры повседневности, в которых женщины второй половины XIX века могли сталкиваться с практиками чтения.

Теоретическую базу исследования составили труды А. Шюца, Н. Л. Пушкаревой, А. В. Беловой, В. В. Пономаревой.

Проблематика и методология. История повседневности — молодая для российской гуманитаристики сфера направлений научных исследований. Особую проблематику в контексте истории повседневности занимает ее «гендерная чувствительность», то есть то, насколько по-разному проживается опыт повседневности мужчинами и женщинами. При написании статьи мы использовали гендерный подход, выделяя женскую повседневность как особый тип жизненных и культурных практик.

Идея проследить историю женского чтения в контексте культуры повседневности в России второй половины XIX века связана с отсутствием крупных теоретических работ в этой области. Наиболее широкий круг исследований женского чтения в России XVIII–XIX вв. связан с изучением чтения в дворянской среде. До сих пор предметом отдельного интереса ряда ученых становится комплектование усадебных библиотек и формирование семейного круга чтения российского дворянства. В одном из трудов У. Г. Иваска, «Частные библиотеки в России», написанном в 1911–1912 гг., даны сведения о 1346 библиотеках. Однако основными источниками сведений о женской читательской культуре до сих пор остаются материалы мемуарного характера: дневники, письма, воспоминания. Уже к концу XVIII века и дневники, и частная переписка являлись неотъемлемой частью дворянской культуры повседневности. Эти документы составляют основу данного исследования.

Результаты исследования. История повседневности в западной историографии существует с 1960-х гг. Многие видные теоретики истории повседневности отмечали необходимость «гендерной чувствительности» подобных исследований, так как образ жизни людей разного пола разительно отличается друг от друга. В трудах теоретика немецкой истории повседневности А. Людтке отмечается, что в любом факте или явлении «можно различить специфические способы переживания опыта, характерные для мужчин и женщин» [1, с. 4]. Некоторыми исследователями также отмечаются черты, объединяющие это направление исторических исследований с исследованиями женской истории.

Общую характеристику этимологических параллелей между двумя направлениями дает А. В. Белова в статье «Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты»: «...сразу замечу, что время и обстоятельства возникновения на волне бурных общественно-политических изменений и связанного с ними методологического бума в историографии 1960-х, а также пройденный путь от маргинализации к академическому признанию роднят ее [историю повседневности] с предшественницей — гендерной женской историей» [2, с. 32].

Таким образом, развитие женской истории как отдельного направления исследований способствовало появлению повседневноведения. В определении содержания понятия «повседневность» работа опирается на феноменологический подход, рассматривающий повседневность как непрерывность и многомерное пространство жизненных и культурных практик. Так, повседневность по А. Шюцу является «высшей реальностью», оказывающейся основой, на которой формируются все прочие миры опыта [3, с. 129]. Эта реальность основывается на повторяющихся изо дня в день мыслях, событиях, действиях самых обычных людей. При этом важно отметить, что повседневность, в том числе и женская, не исчерпывается лишь частной сферой жизни, включая и публичную сферу.

Чтение в российской женской культуре повседневности постепенно становится распространенным и многообразным опытом. Судить об этом можно по количеству читательских практик, описываемых в дневниках и воспоминаниях. С учетом принятого выше определения повседневности как непрерывного континуума социальной и культурной реальности кратко рассмотрим динамику развития основных сфер повседневной жизни российских женщин второй половины XIX — начала XX в.: частную жизнь, образование, трудовую и общественную деятельность — и проанализируем, как чтение проявлялось в женской культуре повседневности.

Весь уклад жизни женщин во второй половине XIX века был подчинен традициям патриархальной семьи. Женщина в первую очередь была женой и матерью, при этом постоянно находилась в подчинении главы семьи — отца или мужа: «...несмотря на все реформы Петра I, Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II, несмотря на все радикальные полуторавековые преобразования, психологически русское общество оставалось традиционалистским и во многом продолжало жить по канонам “Домостроя”» [4, с. 3]. До начала XX века, согласно утвержденному в 1893 году Положению о видах на жительство, замужние женщины не имели права получать данные документы отдельно от мужа. Жену вписывали в паспорт супруга, и без его согласия женщина не могла перемещаться по стране, поступать в учебные заведения, устраиваться на работу. Лишь с принятием циркуляра 1902 года Положение 1893 года подлежало соблюдению при условии совместного проживания мужа с женой и предоставления ей средств к существованию. В условиях ограниченной мобильности за женщинами закреплялась «частная сфера» жизни, связанная в первую очередь с обустройством дома и ведением хозяйства, в которой чтение зачастую становилось «локусом» внутренней свободы: «...для провинциалок, не имеющих возможности получить высшее образование, лишенных порой умных собеседников, чтение воплощало в себе и “общение”, и “образование”» [5, с. 372].

Самым распространенным повседневным занятием девушек и женщин всех сословий было рукоделие: «обучение рукоделию

дворянок начиналось довольно рано, иногда даже в детском возрасте, до 13 лет, то есть еще до начала периода собственно девичества. Среди видов рукоделия девочками, или “младшими барышнями”, практиковались вышивка, вязание шнурков и плетение кружева, “старшими барышнями” — вышивание бисером <...> шитье и вязание относились к более старшему возрасту и считались занятиями уже взрослых женщин» [6, с. 287–288]. Если для богатых дворянок эти занятия имели воспитательный характер, то для большинства девушек в будущем становились ремеслом, которое помогало заработать на жизнь. С критикой подобного повседневного времяпрепровождения, отнимающего у женщины возможность интеллектуальных занятий, выступали многие авторы дневников второй половины XIX века. Совсем юная Мария Башкирцева запишет в дневнике 31 мая 1876 года: «...нет ничего лучше, как занятый ум; работа все побеждает — особенно умственная работа. Я не понимаю женщин, которые все свободное время проводят за вязаньем и вышиваньем, сидя с занятыми руками и пустой головой... Им, должно быть, приходит масса ненужных, опасных мыслей, а если еще есть что-нибудь особенное на сердце, то мысль, постоянно работая над одним и тем же, неизбежно даст прискорбные результаты» [7, с. 115]. Через десять лет в дневнике Анны Ивановны Волковой, представительницы замоскворецкого купечества 1850-х годов, уже зрелой женщины, добившейся профессиональной реализации в журналистском и издательском деле, появится запись, практически идентичная рассуждениям Башкирцевой: «Женщина должна интересоваться нарядами, пирогами, соленьями, вареньями и проч.; пожалуй, вышиваньями, и только; если же презренная задумает поинтересоваться чем-нибудь другим, то конец — погибла; обидные насмешки, улыбочки, приправленные сарказмом, — вот рука помощи от общества. И далеко не одни только мужчины топчут в женщинах всякое проявление мысли, нет, женщины, сами женщины беспощаднее мужчин в этом случае. Отупев в своей женственности, женственные женщины, как принято называть женщин, занимающихся нарядами и кухней, озлобляются против тех мучениц, которые несут, спотыкаясь, тя-

желое знамя женского вопроса» [4, с. 115]. В еще одном воспоминании Анны Ивановны есть интересный фрагмент об отношении мужа к интеллектуальным занятиям жены: «Заговорила с мужем о книгах, о библиотеке, о желании читать, воображая, что и он, мой идеал, думает так же, как и я, и стремится к тому же. И вдруг разочарование! Муж обругал меня дураю, что меня очень удивило. Денег на книги не дал, а приказал купить подушку и вышивать ему к ангелу. Я повиновалась, хотя никак не могла понять, почему вышивать подушку можно, а книги читать нельзя...» [4, с. 24].

Картину девичьей жизни в купеческой семье Щукиных оставила Мария Александровна Рыбникова в «Горбовской хронике»: «Они занимали особое помещение в мезонине, где время проходило в занятиях рукоделием и в ожидании жениха. Зачитывались в свободное время романами Александра Дюма и Загоскина, часто отправлялись на богомолье, любили беседы со странниками, юродивыми и кликушами, на святках непременно занимались гаданием и подолгу гостили у родственников, при помощи которых заводились знакомства и устраивались браки» [8, с. 126]. Из приведенного отрывка видно, что женское чтение становится нормализованной повседневной практикой в провинциальной купеческой семье в конце XIX века.

Также неслучайно в приведенном фрагменте упоминание о многочисленных религиозных практиках. Неотъемлемой частью повседневности всех сословий было соблюдение церковных обрядов и жизнь в соответствии с церковным календарем. Утренние молитвы, чтение Библии, посещение храмов, строгое соблюдение постов — всё это было естественной частью распорядка каждого дня. Неудивительно, что достаточно большую часть женского круга чтения составляли духовные сочинения. В воспоминаниях представителя московского купечества Николая Петровича Вишнякова можно найти детальное описание особенностей практик чтения его матери и няни: «Большие праздники она проводила по-пуритански, считая грехом какое-нибудь светское занятие, даже свои невинные ручные работы — вязанье или вышивание на пяльцах: допускалось только чтение духовных книг <...> будучи

грамотной, она, когда не вязала чулка, охотно читала духовные книги. Я живо помню ее молитвенник, насквозь просаленный и почерневший, с кучей закладок в виде разноцветных бумажек, ленточек и шнурочков. Сидит, бывало, с ним, надевши на нос свои огромные очки, и, отставивши книгу чуть не на аршин, шевелит губами, шепотом произнося слова» [9, с. 24].

Если в купеческой и мещанской среде женщина была больше погружена в ведение домашнего хозяйства, торговую или предпринимательскую деятельность и воспитание детей, то в дворянской среде мы часто сталкиваемся с примерами низкой вовлеченности женщин как в бытовую деятельность, так и в воспитание детей на ранних этапах их жизни. А. В. Белова отмечает, что лишь в пореформенное время увеличивается интенсивность общения матерей и детей в дворянских семьях и мать становится «активной участницей воспитания собственных детей» [10, с. 27]. С начала XIX века новыми требованиями европейского образования к женщинам стали знание современной и актуальной литературы, умение говорить на французском, музицировать; «если прежде мать обучала началам грамотности и религии, то теперь она должна была обеспечить детям образование» [11, с. 29]. Встретить примеры подобных образованных и просвещенных женщин можно было даже в купеческой среде. А. И. Волкова вспоминает: «Мать знала хорошо французский язык, любила читать по-французски и вышивать, что было особенно в моде в то время. Изящество матери, ее эстетический вкус выражались во всем: она любила хорошо одеваться, играла на фортепьяно, изобретала различные работы, которые наполняли ее досуг. С раннего детства помню я различные французские журналы, которые получала мать, так что первые детские воспоминания мои сливаются с книгой, картинками, французским языком, французскими баснями, роялью» [4, с. 55].

Воспоминания о библиотеке матери встречаются во многих женских дневниках и воспоминаниях второй половины XIX века. Несомненно, что для многих девочек формирование читательских интересов и круга чтения начиналось именно с материнской библиотеки, так же, как и само обучение чтению. В воспоминаниях

А. И. Волковой есть фрагмент, описывающий домашнее обучение чтению: «Читать и писать по-русски мы учились с матерью, которая применяла для обучения нас азбуке названия букв *а, бе, ве* и т. д. Это было новостью в конце 50-х годов и применялось еще очень мало, а обучали — *аз, буки, веди, глаголь* и проч. Вообще, выучиться скоро читать и писать, как это делается в настоящее время по звуковой системе, считалось прямо тогда невозможным, даже и по новому, облегченному методу. Французская азбука преподавалась так же, как и русская. Я и брат читали и писали по-русски и по-французски под руководством матери уже в 5–6 лет, так как мать начала учить нас в очень раннем возрасте. По утрам после молитвы мы принимались за чтение и письмо» [4, с. 71].

Несмотря на то, что многие семьи предпочитали давать дочерям домашнее образование, в России намного раньше и стремительнее, чем в других странах, начинает складываться система женского образования. Уже с конца 1840-х гг. вопросы о женском воспитании и образовании становятся ведущими на страницах столичной и провинциальной периодической печати.

Говоря о женском образовании второй половины XIX века, стоит отметить грандиозные изменения, которые произошли буквально за несколько лет вследствие общественного подъема конца 1850-х гг. Женское образование все больше уходит из сферы государственного влияния в сферу общественного участия. Благодаря участию выдающихся педагогов, в первую очередь К. Д. Ушинского и Н. А. Вышнеградского, меняются фундаментальные основы женского образования: новыми принципами становятся «всесловность и открытость женских учебных заведений; гуманистический характер женского образования и его равенство с образованием мужским; единство воспитательного влияния семьи и школы; общественно-государственный характер женского образования и участие общественных сил в его развитии» [12, с. 8]. Н. А. Вышнеградский, профессор педагогики и редактор «Русского Педагогического вестника», был автором проекта первого открытого женского училища в Петербурге, который одобрила сама императрица Мария Александровна. В 1858 году открылось первое всесловное

Мариинское женское училище. Это был настоящий прорыв для сферы женского государственного образования, которое с конца XVIII века формировалось в рамках жесткой сословной системы. В четырехтомной работе известной российской деятельницы женского образования Е. И. Лихачевой «Материалы для истории женского образования в России» отмечается, что «поразительная быстрота, с которой была принята в правительственных сферах и осуществилась в столице идея, еще так недавно казавшаяся неосуществимой, — всесословной, открытой женской школы, составляет огромную заслугу перед русским обществом Н. А. Вышнеградского» [13, с. 34–35]. К концу XIX века женских гимназий было открыто больше, чем мужских, соответственно 320 и 299. С середины 1890-х гг. до 1912 года в стране были открыты 28 из 29 высших женских учебных заведений.

Многие мемуаристки-учащиеся женских институтов до 1860-х гг. отмечают недостаточность комплектования фондов библиотек женских учебных заведений и трудности, связанные с поиском книг, необходимых для написания учебных работ. Однако с расцветом общественного движения, охватившего передовую часть России в конце 1850-х — начале 1860-х годов, система женского образования также претерпела ряд преобразований: были переделаны учебные планы, появились более последовательные и систематические требования к чтению девушек в рамках государственного образования.

Если Н. А. Вышеградский стоял у истоков организации всесословных женских училищ, то благодаря приходу К. Д. Ушинского на должность институтского инспектора в 1859 году происходит реформа старейшего Смольного института. Подробный анализ произошедших изменений отражен в воспоминаниях писательницы и мемуаристки Е. Н. Водовозовой. Вспоминая о чтении институток в дореформенный период, Водовозова отмечает, что в институте не было ни библиотеки, ни свободного доступа учащихся к текстам произведений: «...таким образом, через сто лет после основания института совершенно был забыт устав, данный ему Екатериною II, в котором так много говорилось о том, чтобы для “це-

лости здравия увеселять юношество невинными забавами”, приучать к чтению и устраивать библиотеки, которых у нас не было и в помине <...> Сами мы никогда не читали ни одного произведения знаменитого русского писателя, а преподаватель знакомил нас с ним лишь в отрывках. Таким образом, мы не имели ни малейшего понятия ни о фабуле произведения, ни об идее, которая осуществлялась в том или другом художественном образе» [14, с. 249].

Е. Н. Водовозова также описывает урок литературы, на который впервые приходит К. Д. Ушинский в должности инспектора и поражается низкому качеству преподаваемого предмета: «Старов начал вызывать воспитанниц и спрашивать заданный урок о Пушкине. Вызванная воспитанница прекрасно отвечала.

– Очень твердо заучено... — заметил Ушинский. — Но вместо “фразистых слов учебника” <...> расскажите мне содержание «Евгения Онегина»!

Старов начал объясняться за воспитанницу. В классе не существует библиотеки. Свой единственный экземпляр он, Старов, не может нам оставлять, так как об одном и том же писателе в один и тот же день читает нередко в двух-трех заведениях.

– В таком случае я совсем не понимаю преподавания литературы! Вы обращались по этому поводу с запросом к администрации заведения?

– Дело здесь испокон века так ведется... Забота о библиотеке — не мое дело...

– Девицы, кто из вас читал «Мертвые души»? Потрудитесь встать...

Никто не двинулся с места.

– Это невозможно! Вы, сударыня, читали? А вы? Но, может быть, что-нибудь другое читали из Гоголя? «Тараса Бульбу» знаете? Неужели и произведений Пушкина никто не читал? А Лермонтова, Грибоедова? Но это невозможно! Я просто этому не верю! Как, ни одна воспитанница, проходя курс русской литературы, не поинтересовалась прочесть ни одного наиболее капитального произведения!...» [14, с. 257]. По воспоминаниям Водовозовой,

только благодаря новому инспектору у институток наконец-то появился доступ к книгам, необходимым для учебного процесса.

Параллельно реформа женских образовательных учреждений происходила и в Москве. Практически в одно и то же время с Водозовой воспитанница московского Ермоловского училища отмечает, какой эффект произвело на учебное заведение вступление в должность нового инспектора Ф. И. Буслаева. «...С тех пор, как учебная часть нашего училища перешла в руки Ф. И. Буслаева, мы получили возможность удовлетворять нашу страсть к чтению уже не тайком, а совершенно открыто, и притом совсем не такими произведениями, какими нам приходилось довольствоваться в дореформенное время и какковые очень скоро утратили всякую прелесть в наших глазах. Ф<едор> И<ванович> начал развивать наши литературные вкусы с помощью произведений английских романистов — Вальтера Скотта, Диккенса и Теккерея, которыми он снабжал нас при всяком удобном случае и нередко вступал с нами в рассуждения по поводу прочитанных нами романов <...> Случалось иногда — и даже очень часто, что мы возвращали Ф<едору> И<вановичу> его книги в таком истрепанном виде, что нам самим становилось совестно за нашу крайнюю неряшливость. Когда же мы начинали извиняться и уверять Ф<едора> И<вановича>, что в другой раз мы не позволим себе такого варварского обращения с его книгами, то он добродушно успокаивал нас, утверждая, что он предпочитает даже, чтобы книги возвращались ему потрепанными, так как это служит для него несомненным доказательством того, что они нам понравились и прошли через все руки; если же они возвращаются ему чистенькими, то у него возникает предположение, что они не имели большого успеха “в среде нашей читающей публики”» [15, с. 199]. В воспоминаниях другой институтки, М. М. Воропановой, воспитанницы Киевского института благородных девиц в 1860-е гг., можно также встретить критику институтского образования, например «хаотическую программу знаний». Но при этом Воропаева отмечает, что «в конце концов [многие институтки] воодушевлялись необыкновенной любовью к книге, к чтению, и к серьезному чтению, и эта любовь

побуждала дальше идти к самоусовершенствованию. <...> Я прочитывала с жадностью Белинского, Добролюбова, Вальтера Скотта» [15, с. 310].

Несмотря на большие различия в культуре повседневности женщин-представительниц различных сословий, можно говорить об общей тенденции модернизации российского общества во второй половине XIX века. В пореформенной России менялась не только экономическая и социальная картина повседневности, росло противостояние поколений, нарастал кризис патриархальной семьи и увеличивалось количество разводов. И конечно, радикальные изменения произошли в положении женщин. Отмена крепостного права дала толчок распространению образования в деревне, многие крестьянки начали учиться грамоте в силу ухода мужчин на длительные сроки на заработки. Женщины из более высоких сословий также зачастую оставались без средств к существованию и вынуждены были искать работу. Молодые девушки, зараженные революционными идеями, жаждали получить образование и трудиться на благо радикального переустройства мира. Многие предчувствовали наступление нового времени. В воспоминаниях Софьи Ковалевской есть упоминание о том, что девушки 1860–70 гг., вдохновленные новыми идеями, убегали из дома: «...девушками овладела в то время словно эпидемия какая-то — убегать из родительского дома. В нашем непосредственном соседстве пока еще, бог миловал, все обстояло благополучно; но из других мест уже приходили слухи: то у того, то у другого помещика убежала дочь, которая за границу — учиться, которая в Петербург — к “нигилистам”» [16, с. 57].

О значении книжной культуры в контексте социальных изменений в пореформенной России и нарастающего противостояния поколений также есть интересное воспоминание Софьи Ковалевской, которое она предваряет словами: «...Вскоре и в непосредственной близости от нашего дома стали обнаруживаться признаки времени». Ковалевская вспоминает, как сын соседского священника после окончания духовной семинарии наотрез отказался идти в священники, уехал учиться в Петербург и вернулся в лоно

семьи с атеистическими убеждениями. Именно с поповичем начала общаться сестра Софьи Анна: «На Анну разговоры с поповичем произвели сильнейшее впечатление. Она изменилась даже наружно: стала одеваться в простые черные платья, зачесывала волосы назад, занималась с крестьянскими детьми, обучая их грамоте. Ящичками выписывала книги: “Физиология жизни”, “История цивилизации” — словом, все то, чем зачитывалась в те годы передовая Россия. Наконец она осмелилась потребовать (!) у отца, чтобы он отпустил ее учиться в Петербург» [16, с. 59].

К концу XIX века увеличивается тенденция феминизации наемного труда. Этому способствовало как распространение образования, так и идеи нового времени. Шестидесятники на страницах книг и в периодической печати призывали женщин к труду и независимости, и зачастую общественное мнение становилось решающим фактором для женщины к началу поиска трудовой деятельности. «Эмансипация женщин и тесно связанный с этим вопрос об их самостоятельном заработке был прежде всего вызван экономическими условиями этой эпохи, а также и ее демократическими идеями, но сильный толчок к распространению этих идей был дан, конечно, и романом “Что делать?”. С его выходом в свет женщины несравненно энергичнее стали стремиться к самостоятельному заработку, к высшему образованию и вести борьбу за свое освобождение <...> среди женщин началась бешеная погоня за заработком: искали уроков, поступали на службу на телеграф, наборщицами типографий, в переплетные мастерские, делались продавщицами в книжных и других магазинах, переводчицами, чтицами, акушерками, фельдшерицами, переписчицами, стенографистками» [17, с. 175].

К концу XIX века в связи с развитием высшего женского образования женские занятия наукой также перестают быть чем-то эксцентричным. В последнее время появляется все больше работ, посвященных исследованию академического женского труда во второй половине XIX — начале XX века. В статье Н. Л. Пушкаревой и О. И. Секеновой «К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX — начала XX в.: досуг и отдых»

[18] появляется первая попытка исследования быта и повседневности интеллектуалок второй половины XIX — начала XX в., в том числе практик чтения. Среди выделяемых практик упоминается о традиции ведения читательских дневников женщинами-учеными, посещение библиотек (публичных и профильных, российских и зарубежных), покупка книг.

Заключение. Можно сказать, что чтение на протяжении всего XIX века являлось неотъемлемой частью женской повседневности и присутствовало как в частной, так и в публичной сферах жизнедеятельности. В кругу семьи многие девочки начинали свое знакомство с чтением библиотеки матери в процессе домашнего обучения чтению. Чтение духовных сочинений также было естественной частью повседневных практик. С развитием женского образования девочки и девушки приобщались к книгам через учебную программу. Большое значение для распространения просвещения и пересмотра основ преподавания литературы в женских учебных заведениях имели реформы 1860-х гг. С приходом новых инспекторов и преподавателей изменились как основные принципы образования, так и подходы к преподаванию. Идеи шестидесятников, желающих «освободить» женщину от домашнего гнета и заставить ее трудиться, также привели к еще большему желанию женщин получать образование и дальнейшую профессионализацию. Помимо распространенных еще в середине XIX века гувернанток и классных дам начинают появляться женщины, входящие в академическую среду и всерьез занимающиеся научным трудом. При этом среди них встречаются и те, для кого научная работа была единственным средством заработка. Для женщин-ученых чтение становится не только досуговой, но и рабочей практикой.

Список источников

1. Пушкирева Н. Л. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1. С. 3–11.
2. Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // *Российская*

повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 864 с.

3. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

4. Волкова А. И. Воспоминания. Дневник. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2015. 393 с.

5. Морева О. В. Уральские читательницы во второй половине XIX — начале XX века // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений : сб. ст. / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 367–391.

6. Белова А. В. Четыре возраста женщины. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2014. 480 с.

7. Башкирцева Мария. Дневник. М.: РИПОЛ классик, 2017. 596 с.

8. Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом. М., 1928. С. 107–128.

9. Вишняков Н. П. Сведения о купеческом роде Вишняковых (с 1848 по 1854 г.), собранные Н. Вишняковым : в 3 ч. Ч. 3. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1911. 176 с.

10. Белова А. В., Мицюк Н. А. Сексуальное просвещение русской дворянки в семье, учебном заведении и обществе (от «великих реформ» до «великих потрясений») // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 20–35.

11. Пономарева В., Хорошилова Л. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII — начало XX века. М.: Ломоносовъ, 2016. 288 с.

12. Днепров Э. Д., Усачева Р. Ф. Среднее женское образование в России. М., 2009. 270 с.

13. Лихачева Е. И. Материалы для истории женского образования в России : в 4 кн. СПб., 1890–1901. Кн. 2.

14. Водовозова Е. Н. Дневники смолянки : воспоминания об институтских нравах. М.: Алгоритм, 2017. 300 с.

15. Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц / составление, подготовка текста и примечания Г. Г. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2013. 288 с.

16. Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Наука. 1974 г. 560 с. (Литературные памятники. К 125-летию со дня рождения).

17. Водовозова Е. Н. На заре жизни. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. 511 с.

18. Пушкарева Н. Л., Секенова О. И. К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX — начала XX в.: досуг и отдых // Антропологический форум. 2021. № 149. С. 130–153.

References

1. Pushkareva N. L. On empathy in anthropology and the importance of a separate description and study of male and female everyday life. *Zhenshchina v Rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2014, no 1, pp. 3–11. (In Russ.)
2. Belova A. V. Women's everyday life as a subject of the history of everyday life: historiographical and methodological aspects. *Rossijskaya povsednevnost' v zerkale gendernyh otnoshenij: Sbornik statej* [Russian everyday life in the mirror of gender relations: Collection of articles] / Ed. N. L. Pushkareva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 864 p. (In Russ.)
3. Shyuc A. The structure of everyday thinking. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1988, no 2, pp. 129–137. (In Russ.)
4. Volkova A. I. *Vospominaniya. Dnevnik* [Memories. Diary]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, 2015. 393 p. (In Russ.)
5. Moreva O. V. Ural female readers in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Rossijskaya povsednevnost' v zerkale gendernyh otnoshenij: sb. st.* [Russian everyday life in the mirror of gender relations: a collection of articles] / otv. red. i sost. N. L. Pushkareva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. pp. 367–391. (In Russ.)
6. Belova A. V. *Chetyre vozrasta zhenshchiny. Povsednevnyaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki XVIII — serediny XIX v.* [Four ages of woman. Daily life of a Russian provincial noblewoman of the 18th — mid-19th centuries]. SPb.: Aleteiya, 2014. 480 p. (In Russ.)
7. Bashkirceva Mariya. *Dnevnik* [Diary]. Moscow: RIPOL klassik, 2017. 596 p. (In Russ.)
8. Kafengauz B. B. Merchant memoirs. *Moskovskij kraj v ego proshlom* [Moscow region in its past]. Moscow, 1928. pp. 107–128. (In Russ.)
9. Vishnyakov N.P. *Svedeniya o kupecheskom rode Vishnyakovyh (s 1848-1854 g.), sobrannye N. Vishnyakovym. V 3 ch. Ch. 3* [Information about the merchant family of the Vishnyakovs (from 1848–1854), collected by N. Vishnyakov. At 3 p.m. Ch. 3]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1911. 176 p. (In Russ.)
10. Belova A. V., Micyuk N. A. Sexual education of a Russian noblewoman in the family, educational institution and society (from "great reforms" to "great upheavals"). *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2016, no 1 (47), pp. 20–35. (In Russ.)
11. Ponomareva V., Horoshilova L. *Mir russkoj zhenshchiny: sem'ya, professiya, domashnij uklad. XVIII — nachalo XX veka* [The world of a Russian woman: family, profession, home life. 18th — early 20th century]. Moscow: Lomonosov, 2016. 288 p. (In Russ.)
12. Dneprov E. D., Usacheva R. F. *Srednee zhenskoe obrazovanie v Rossii* [Secondary female education in Russia]. Moscow, 2009. 270 p. (In Russ.)

13. Lihacheva E. I. *Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii* [Materials for the history of women's education in Russia: In 4 vol. of vol. 2]. SPb., 1890–1901. Vol. 2. (In Russ.)

14. Vodovozova E. N. *Dnevnik smolyanki : vospominaniya ob institutskih nrvah* [Diaries of a Smolyanka: Memories of Institute Mores]. Moscow: Algoritm, 2017. 300 p. (In Russ.)

15. *Instituty blagorodnyh devic v memuarah vospitannic / Sostavlenie, podgotovka teksta i primechaniya G. G. Martynova* [Institutes of noble maidens in the memoirs of pupils / Compilation, preparation of the text and notes by G. G. Martynov]. Moscow: Lomonosov, 2013. 288 p. (In Russ.)

16. Kovalevskaya S. V. *Vospominaniya. Povesti. Seriya: Literaturnye pamyatniki. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya* [Memories. Tales. Series: Literary monuments. To the 125th anniversary of his birth.]. Moscow: Nauka. 1974 g. 560 p. (In Russ.)

17. Vodovozova E. N. *Na zare zhizni* [At the dawn of life]. Of vol. 1. Moscow: hudozh. Lit., 1987. 511 p. (In Russ.)

18. Pushkareva N. L., Sekenova O. I. To the history of everyday life of the first Russian women historians of the late 19th — early 20th centuries: leisure and recreation. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2021, no 149, pp. 130–153. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Саляева Елена Сергеевна

Elena S. Salyaeva

аспирант кафедры культурологии,
педагогике и искусств
Русской христианской гуманитарной
академии

post-graduate student of the
Department of Cultural Studies,
Pedagogy and Arts
of Russian Christian
Academy for the Humanities
named after F.M. Dostoevsky

191011, Россия, Санкт-Петербург,
набережная реки Фонтанки, 15

15, Fontanka Embankment,
Saint-Petersburg, 191011,
Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

26.03.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

07.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

15.05.2023